

Паучий тупик — место грязное и хаотичное.

Пьяницы, игроки, воры, разбойники, бродяги, насильники — здесь можно встретить подонков всех мастей.

В таких местах женщинам и детям категорически запрещено появляться на улице после наступления темноты, иначе не миновать большой беды.

Но вот такому примелькавшемуся пьянице и игроку, как Тобиас, всё было нипочём.

Все в округе знали: если он выходит из дома, значит, идёт либо выпить, либо проиграть последние гроши.

Северус, одетый в единственную приличную вещь Тобиаса — ту, на которой не было заплат, — старался держаться подальше от знакомых отца, покидая Паучий тупик.

Он ощутил, как внутри, где-то в самой глубине души, разливается долгожданное спокойствие.

В прошлой жизни, когда он учился на третьем курсе, Тобиас попытался забить Эйлин до смерти. Мать не сопротивлялась, предпочтя смириться с судьбой, но в итоге произошёл магический выброс, который погубил их обоих.

Вернувшись тогда из Хогwartса домой, Северус застал лишь два разлагающихся, зловонных трупа.

В этой жизни он решил: с них хватит. Теперь он сам их бросил.

Северус выбрался из Паучьего тупика и пешком дошёл до автовокзала.

В кармане у него было всего девять фунтов и десять шиллингов, вытрясенных из записки Тобиаса, поэтому, чтобы купить билет до Лондона, приходилось считать каждую копейку.

В Кокуорте не было ни одного магического узла, ведущего в мир волшебников.

Когда начало светать, открылась пекарня рядом с вокзалом. Северус на остатки денег купил буханку чёрствого хлеба, чтобы хоть как-то утолить голод.

Перед отправлением автобуса дальнего следования он зашёл в туалет и выпил порцию оборотного зелья.

Спустя несколько часов Северус ступил на землю Лондона. Он добрался до Чаринг-Кросс-роуд, 48, и Грейт-Ньюпорт-стрит, 12, где отыскал «Дырявый котёл» — место, которого для обычных людей просто не существовало.

Войдя внутрь, Северус обнаружил, что бар ничуть не изменился за десятки лет. Всё та же суэта и шум, всё тот же потрёпанный временем интерьер, а медные напольные часы в холле всё так же издавали нелепое тиканье.

В баре было полно волшебников в капюшонах, скрывавших лица, они о чём-то перешёптывались в углах. Старые пьянчуги, раскрасневшись от огневиски и медовухи, вели громкие споры — вылитые завсегдатаи Паучьего тупика.

Бармен за стойкой был ещё молод. Увидев незнакомца, он натянуто улыбнулся:

— Добрый день, сэр. Что желаете? Я хозяин этого заведения, можете звать меня Том.

Северус ответил прямо и холодно:

— Благодарю, сэр, но я не пью. Мне нужно на Косую аллею.

— О, вот оно что. Помочь вам с дорогой? — по инерции предложил Том Аббот.

— Не стоит, спасибо, мистер Том. Я знаю, куда идти.

Сказав это, Северус невозмутимо направился на задний двор «Дырявого котла», отсчитал три кирпича над мусорным баком и постучал. Через мгновение он уже бесшумно шагнул по Косой аллее.

Он зашёл в лавку зелий Джорджа Уильяма, продал несколько неприметных флаконов с восстанавливающим зельем, найденных в сундуке Эйлин, и, выручив пятьдесят золотых галлеонов, направился в магазин магических артефактов Виктора, где приобрёл одноразовый значок невидимости. В конце концов, он заглянул в «Гринготтс», чтобы обменять оставшиеся галлеоны на фунты.

Галлеоны были нужны ему в фунтах, потому что он собирался отправиться в Поместье Принц, пройти испытание, которое не смог одолеть в прошлой жизни, и унаследовать всё, что там хранилось.

Всё то, чем Эйлин пренебрегала, но что для него стало бесценным сокровищем — наследие древнего рода зельеваров.

А чтобы не привлекать лишнего внимания, магловский транспорт был самым разумным выбором. Именно так думал Северус, проваливаясь в глубокий сон в дешёвой гостинице.

Паучий тупик, дом Снейпов.

Эйлин и Тобиас с трудом разлепили глаза, чувствуя невыносимую головную боль. Тобиас потёр виски, размышляя о том, что стаканчик-другой живо бы вернул его к жизни, но вот беда — денег не было.

Хотя... В глубине сознания Тобиаса всплыло мутное воспоминание: вчера Эйлин, стоя на коленях, отдала ему семь фунтов в качестве дани. Но с чего бы ей вставать на колени? Тобиас не стал утруждать себя лишними раздумьями. Он кое-как натянул одежду и, хлопнув дверью, вышел из дома.

Он даже не удосужился проверить, остались ли деньги в кармане.

В голове у Эйлин царил хаос. Проснувшись, она чувствовала, будто забыла нечто чрезвычайно важное.

Но стоило ей увидеть, что Тобиас ушёл, как её охваченное любовным наваждением сознание отключилось от всех остальных забот.

— Дорогой Тобиас, как же ты мог уйти, не позавтракав... — прошептала она, глядя в пустоту.

Отдохнув, Северус выписался из магловской гостиницы и купил билет на поезд до Норфолка.

Он должен был добраться туда, чтобы предъявить права на наследство рода Принц.

После того как прервалась цепочка наследников, Поместье Принц автоматически запечаталось, и попасть туда через каминную сеть было невозможно.

Да и с его нынешним уровнем магического резерва о трансгрессии нечего было и мечтать.

Поэтому выбора не оставалось — только магловский транспорт.

Сидя в поезде, Северус смотрел в окно на мелькающий пейзаж и про себя повторял названия ингредиентов, хранившиеся в его памяти.

Добравшись до Норфолка, он взял такси и велел водителю:

— В Эйлшем.

Именно там, рядом с поместьем Бликлинг-холл, где, по легенде, обитает Безголовая королева, и находилось Поместье Принц.

Там воздух пропитан солоноватым морским бризом, а повсюду шумят густые вечнозелёные хвойные леса.

Северус вышел в Эйлшеме, зашёл в безлюдное место, приколот значок невидимости и шагнул в чашу.

В его памяти сохранилось, что вход в поместье спрятан в глубине леса, перед самым берегом бескрайнего моря.

Высокие, могучие хвойные деревья тянулись к небу. В траве шныряли белки и ползали змеи. В прошлой жизни его укусила Нагини, но, как ни странно, это не оставило в его душе страха. Он совсем не боялся змей.

Может быть, он и не искал смерти, но подсознательно понимал: кончина — это способ положить конец страданиям предыдущей жизни.

Северус вдыхал аромат сосновой хвои, и всё его тело наконец расслабилось.

Благодаря магическому значку лесные звери и редкие дровосеки не замечали его присутствия. Птицы весело щебетали, не зная людской печали.

Наконец, глубоко в чаще, Северус отыскал магическую печать Поместья Принц.

Он тяжело дышал, почти допив всё зелье бодрости из сундука Эйлин. Он был слишком мал, чтобы легко переносить столь утомительные странствия.

Северус просидел на большом валуне четверть часа, а затем поднялся, разрезал ладонь и прижал её к центру магической печати, которую мог видеть лишь обладатель крови Принцев.

Он почувствовал, как печать вытягивает его кровь, и лицо его начало бледнеть.

Через пять минут символ лунного ириса вспыхнул, и в магическом барьере образовался небольшой проход.

Наложив на ладонь заклинание заживления, Северус поспешно шагнул в сияющую дверь. Как

только он переступил порог, проход исчез.

Просторное поместье, изящный замок, и повсюду, куда ни глянь — лунный ирис и редчайшие целебные травы.

Даже видев это в прошлой жизни, Северус не мог не восхититься величием старинного поместья.

Вот только жаль, что после пятнадцати лет полукровки не могли претендовать на наследство — зелье Чистой Крови, хранившееся в роду Принц, действовало лишь на магов младше пятнадцати лет. Полукровка, не очистивший свою кровь, не мог получить признание родового древа, и его фамилия никогда не становилась бы Принц.

В прошлой жизни, после смерти Эйлин, он узнал о своём происхождении из её наследства.

С тех пор каждый год он тайком пробирался в Поместье Принц, пытаясь пройти испытание.

Он с гордостью и в то же время с горечью называл себя Принцем-полукровкой, скрывая в глубине души ненависть к собственной крови.

Он ненавидел то, что он полукровка.

Если бы он был чистокровным, он стал бы истинным наследником Слизерина. Даже если бы он превратился в безумца, подобного Белле, это было бы лучше, чем те мучения, которые он претерпел в прошлой жизни.

Если бы он был маглом — тоже неплохо. Без магии у Тобиаса не было бы повода срывать на нём своё безумие.

Но он был полукровкой.

Бедным полукровкой, едва сводящим концы с концами, вечной мишенью для мародёров.

При врождённом таланте к зельям у него не было ни поддержки, ни доступа к глубоким знаниям.

А род зельеваров с тысячелетней историей всегда предъявлял жестокие требования к наследникам-полукровкам.

Судьба редко была милостива к несчастным: даже будучи гением зельеварения, он так и не смог пройти проверку рода Принц.

Это было одним из самых горьких сожалений в его жизни.

Он пошёл вперёд, минуя любимый сад, остановился перед изящным замком и нежно приложил ладонь к цветку лунного ириса на воротах магической башни.

Он прошептал на древних рунах:

— Кровью Принцев взываю к истокам лунного ириса. Это место — наследие рода Принц. Клянусь своей душой: я принесу славу моему роду. Если же я не пройду испытание, я буду в тишине возвращать потомков, надеясь на будущее.

Как только он произнёс последнее слово, лунный ирис на воротах внезапно ожил, его нежные

лепестки превратились в острые серебряные иглы и впились в пальцы Северуса.

Убедившись, что в жилах юноши течёт кровь Принцев, ворота замка с гулом распахнулись.

<http://bllate.org/book/21846/2265317>